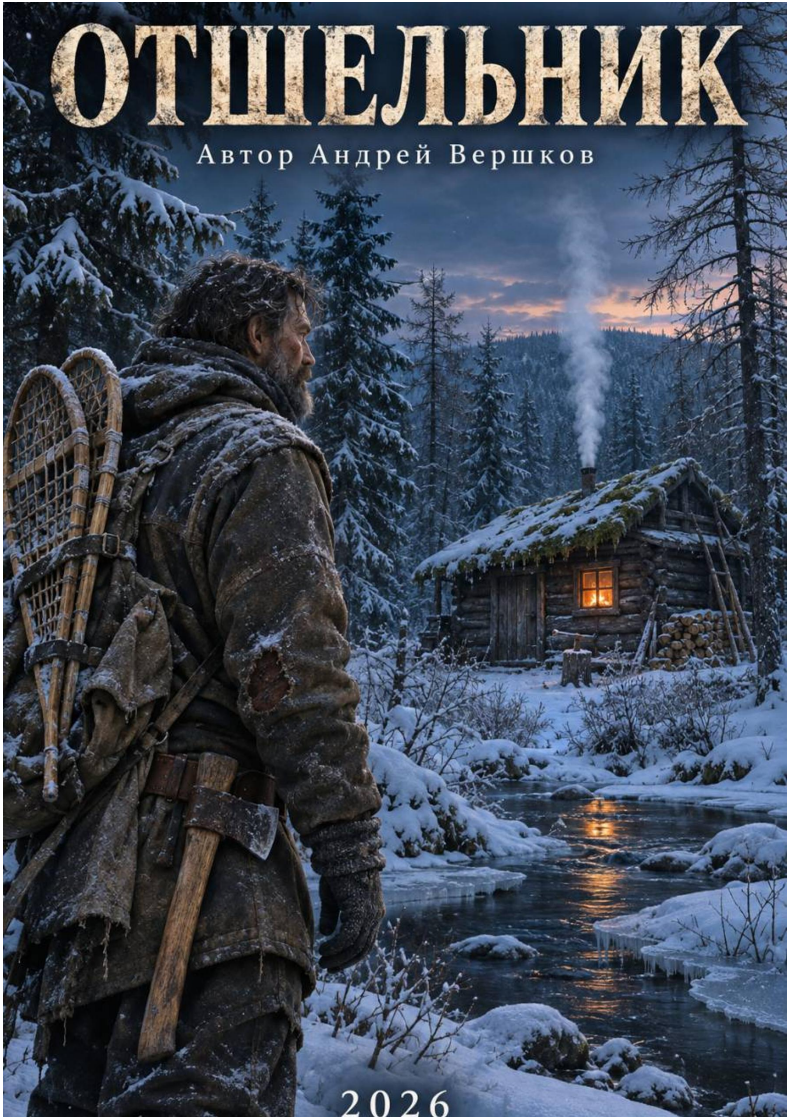
ОТШЕЛЬНИК

Автор Андрей Вершков



2026

Андрей Вершков
Отшельник

https://litres.ru/74914378
SelfPub; 2026

Аннотация

В сорок три года городской инженер понимает, что ему больше некому позвонить, бросает налаженную пустую жизнь и уходит зимовать в глухую тайгу без ружья и связи — чтобы в борьбе за физическое выживание понять, от чего он прятался среди людей.

Содержание

Глава 1 4
Уход 4
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Андрей Вершков
Отшельник

Глава 1

Уход

В сорок три года Андрей Воронов обнаружил, что ему некому позвонить.

Случилось это в четверг, в половине двенадцатого ночи. Он сидел на кухне съёмной однушки на Заводской, перед ним стояла тарелка с остывшими пельменями, а в руке был телефон. Днём на планёрке ему стало плохо: сдавило грудь, поплыли стены. Он вышел в коридор, постоял у кулера, и отпустило. Никто не заметил. Теперь хотелось кому-нибудь об этом сказать. Он не собирался жаловаться, ему нужно было только произнести вслух: «Слушай, мне сегодня было страшно».

Он открыл список контактов.

«Автосервис Форсаж». «Алла Викторовна бухг.». «Борисов (подрядчик)». «Вадим ЖЭК». Он листал медленно, потом быстрее. Двести шестьдесят с чем-то номеров. «Лена». Палец задержался. Что он ей скажет? Они не разговаривали

с марта, когда делили остатки вкладов. «Мама». Номер он так и не удалил. Иногда думал, что надо бы, и каждый раз откладывал, будто удалить означало согласиться.

«Серёга шиномонтаж».

Он усмехнулся. Вот Серёге он звонил дважды в год, стабильно, и Серёга всегда был ему рад.

Были ещё Костя и Миша, институтские. Когда-то они втроём ездили на Селигер, спали в одной палатке и клялись, что так будет всегда. Потом у Кости родились близнецы, Миша уехал в Калининград, а сам Андрей стал начальником отдела, и на встречи у него всё время не хватало вечера. Последний раз Костя писал ему года четыре назад: «С днём рождения, старик! Надо увидеться». Андрей ответил: «Обязательно!» На этом всё и кончилось.

Никто его не бросал. Он понял это как-то сразу, целиком. Он сам, год за годом, аккуратно и вежливо отодвигал от себя людей, как отодвигают бумаги на край стола: потом разберу. Теперь стол был пуст.

Он положил телефон экраном вниз и доел пельмени холодными.

Сыну он всё-таки позвонил, на следующий день, в обед.

Димка взял трубку после шестого гудка.

— Да, пап.

— Привет. Не отвлекаю?

— У меня пара через десять минут.

— Я быстро. Как ты там?

— Норм.

— Учёба?

— Норм.

— Деньги есть?

— Есть. Мама перевела.

Андрей смотрел в окно офиса на парковку. Там кто-то пытался втиснуть джип между двумя малолитражками.

— Дим, я вот думал… Может, приеду к тебе на выходные? Сходим куда-нибудь.

Пауза была короткой, но он её услышал.

— На этих не получится. У нас проект, мы с ребятами сидим.

— А на следующих?

— Пап, давай я сам напишу, когда посвободнее будет. Ладно?

— Ладно. Конечно.

— Ну всё, я побежал.

— Дим.

— А?

Он хотел сказать: мне вчера было плохо. Или: я скучаю. Или хотя бы: помнишь, как мы с тобой змея запускали на карьере?

— Шапку носи, — сказал он. — Холодно уже.

— Пап, мне девятнадцать лет.

Гудки.

Он долго держал трубку у уха. Обиды не было, и это удив-

ляло. Димка говорил с ним ровно так, как он сам пятнадцать лет говорил с Димкой: на бегу, между делом, «давай потом». Мальчик хорошо выучил урок. Он был прилежный ученик.

В семь лет Димка ждал его на утреннике. Был зайцем, уши ему шила Лена из старой наволочки. Андрей обещал прийти и не пришёл: совещание затянулось. Вечером сын не плакал и не упрекал, только спросил: «А ты завтра придёшь?» Завтра утренника уже не было.

Что это было за совещание, о чём, кто на нём присутствовал, Андрей не помнил совершенно. Уши из наволочки помнил.

С Леной он столкнулся случайно, в субботу, в торговом центре. Она стояла у витрины с чайниками, в незнакомом светлом пальто. Выглядела она хорошо, лучше, чем в последние годы их брака.

— Воронов, — сказала она, не удивившись. — Ты похудел или мне кажется?

— Кажется.

— Серый какой-то. Ты у врача был?

— Зачем?

— Затем, что тебе сорок три, а не двадцать.

Они сели в кофейне на первом этаже. Вышло как-то само: она сказала «у меня двадцать минут», он сказал «у меня тоже», хотя у него был весь день и вся жизнь.

— Димка тебе звонит? — спросил он.

— Каждый день почти. — Она помешала кофе и посмот-

рела на него внимательнее. — А тебе нет.

— Мне «норм».

— Андрей, а ты чего хотел?

Она сказала это без злости, и от этого было больнее.

— Не знаю. Наверное, чтобы само как-то.

— Само не бывает. — Она вздохнула. — Знаешь, я ведь на тебя давно не сержусь. Ты не пил, не гулял, деньги приносил. Мне мама всю жизнь говорила: чего тебе ещё надо? А я не могла объяснить. Сидит человек напротив, ест, кивает, а его нет. Я с тобой разговариваю и вижу, как ты в голове письмо кому-то дописываешь.

— Я работал, Лен.

— Да не работал ты. Ты прятался. — Она помолчала. — Я только не поняла, от кого. От меня? От Димки?

Он хотел возразить и не нашёл чем.

— Ты никогда не здесь, Андрей. Вот и сейчас тоже. Где ты сейчас?

— Здесь.

— Нет, — сказала она мягко и встала. — Сходи к врачам. Правда. И Димке не звони с вопросами про деньги, он от них звереет. Просто приезжай без спроса.

Она ушла, а он остался сидеть над нетронутым кофе и думал над её вопросом.

Где он, в самом деле? На работе он думал о том, как доедет домой. Дома думал о работе. В отпуске, на турецком пляже, считал дни до возвращения, а вернувшись, листал фотогра-

фии и удивлялся: надо же, я там был. Двадцать лет он жил в каком-то коридоре между комнатами и ни в одну из них так и не вошёл.

В понедельник он не поехал на работу.

Он встал по будильнику, побрился, надел рубашку. Сел в машину. На перекрёстке, где надо было направо, к офису, загорелся зелёный, сзади посигналили. Он повернул налево.

Он не обдумывал это заранее и ничего не решал. Тело повернуло руль само, а голова только отметила: ага, вот, значит, как.

Ехал он без цели и минут через двадцать увидел вывеску «Охота и рыбалка». Магазин стоял на выезде из города, между автомойкой и складом стройматериалов. Андрей проезжал мимо него тысячу раз.

Внутри пахло резиной и оружейным маслом. За прилавком сидел грузный мужик лет шестидесяти, с седыми усами, в вязаной жилетке, и читал газету.

— Подсказать чего?

— Мне нужен топор.

— Какой? Туристический, плотницкий, колун?

— А в чём разница?

Продавец опустил газету и посмотрел на него поверх очков: на рубашку, на ботинки, на чистые руки.

— Разница в том, что вы им делать собираетесь.

— Жить, — сказал Андрей и сам удивился этому слову.

Продавец помолчал. Потом тяжело поднялся, снял со сте-

ны топор с длинным светлым топорищем и положил на прилавок.

— Тогда этот. Не китайский. Топорище ясеневое, запасное возьмите сразу, сломаете обязательно. И брусок точильный. Тупым топором себя калечат чаще, чем острым.

— Почему?

— Потому что тупой отскакивает. Острый идёт в дерево, тупой в ногу.

Андрей кивнул, как будто записывал.

— Что ещё нужно?

— Смотря куда и на сколько.

— В лес. Надолго.

— На охоту? На рыбалку?

— Нет. Просто.

Усатый снял очки и потёр переносицу.

— Слушай, мужик, — он перешёл на «ты» без всякого усилия. — Ты не обижайся. Ко мне такие заходят раза два в год. Жена ушла, или с работы попёрли, или кино посмотрели. Набирают на сорок тысяч и через неделю обратно, злые, покусанные. Один ногу сломал, его вертолётом снимали. Ты из каких?

— Жена ушла три года назад. С работы не попёрли. Кино не смотрел.

— А чего тогда?

Андрей подумал. Врать этому человеку почему-то не хотелось.

— Мне позвонить некому.

Продавец долго на него смотрел. Потом кивнул, как будто услышал вполне разумную причину.

— Меня Палыч зовут. Давай по порядку. Ты хоть раз в жизни ночевал в лесу один?

— Нет.

— Костёр под дождём разводил?

— Нет.

— Рыбу чистил?

— На даче. Карасей.

— Господи, — сказал Палыч без осуждения. — Ладно. Пиши.

Писать было нечем, и Палыч стал выкладывать на прилавок сам. Две пилы: лучковую и маленькую ножовку. Нож с простой деревянной ручкой. («Красивый не бери. Красивый жалко, а нож жалеть нельзя».) Котелок. Моток капронового шнура. Крючки трёх размеров, леску, грузила. Спички, много спичек, и жестяную банку с резиновой прокладкой.

— Спички делишь на три части. Одну в банку, одну в рюкзак в пакете, одну на себе, в нагрудном кармане. Понял? Не в одном месте.

— Понял.

— Ничего ты не понял. Поймёшь, когда утопишь. Соль бери, сколько унесёшь. Без сахара проживёшь, без соли завоешь. Аптечку. Иголки, нитки суровые. Ружьё у тебя есть?

— Нет. И разрешения нет.

— Тогда без ружья. — Палыч покачал головой. — Плохо. Мяса не будет, и зверь тебя уважать не станет. Петли на зайца умеешь ставить?

— Нет.

Палыч взял кусок проволоки и показал, как делается петля. Заставил повторить. У Андрея получилось с четвёртого раза.

— На тропе ставишь, на высоте ладони. Руками голыми не трогай, запах останется. Хотя ты всё равно первый месяц ничего не поймаешь.

— Почему?

— Потому что лес тебя не знает, а ты его. Он тебя сначала посмотрит. — Палыч сказал это буднично, как про соседа. — На сколько дней идёшь-то?

— Не знаю.

— Вот это честно, — сказал Палыч. — Обычно говорят «навсегда».

Он пробил чек, помог уложить покупки в рюкзак, а потом, уже у двери, вдруг придержал Андрея за рукав.

— Я тебе одно скажу, а ты запомни. Там тихо, но тишина эта не та, что в кино. От неё не отдыхают. В ней всё слышно, чего в городе не слышал. Про себя в первую очередь. Некоторые от этого бегут обратно быстрее, чем от медведя.

— А вы сами жили так?

— Две зимы. В восемьдесят седьмом и восемьдесят восьмом. — Палыч отвёл глаза. — Тоже была причина.

— И что?

— Вернулся, как видишь. Женился. Внуков трое. — Он отпустил рукав. — В лесу хорошо разбираться, от чего ушёл. А оставаться там незачем. Ну, иди. Спички раздели.

Неделя ушла на то, чтобы закончить с городом.

Он думал, что будет трудно, но оказалось до обидного легко. Жизнь, которую он строил двадцать лет, разбиралась за несколько дней, как выставочный стенд.

Заявление он отнёс директору сам.

— Воронов, ты сдурел? — Игорь Семёнович, моложе его на шесть лет, вертел листок в руках. — У нас сдача объекта в декабре. Тебе что, конкуренты предложили? Скажи сколько, обсудим.

— Никто не предложил.

— Тогда что? Выгорел? Возьми отпуск, съезди на море. Две недели, я подпишу.

— Я не вернусь через две недели.

— А куда ты денешься-то? — искренне спросил директор.

Андрей не ответил. Вопрос был точный. Игорь Семёнович не мог представить, что человеку есть куда деться, кроме работы. Сам Андрей неделю назад тоже не мог.

— Ну и дурак, — сказал директор почти ласково. — Через месяц приползёшь, а место занято будет.

— Наверное, — согласился Андрей.

Коллеги скинулись на прощальный торт. Алла Викторовна из бухгалтерии всплакнула. Кто-то сказал: «Ну ты звони,

не пропадай». Андрей пообещал и подумал, что за двенадцать лет не узнал ни про кого из этих людей ничего, кроме должности.

Машину он продал перекупщику за два дня, не торгуясь. Квартирной хозяйке отдал ключи и оставил мебель. Вещи уместились в четыре мусорных мешка. Он постоял над ними во дворе: костюмы, зарядки, блендер, которым пользовался раз в жизни, коробка с грамотами «За добросовестный труд». Вынес к контейнерам. Через час мешков уже не было.

Деньги за машину и почти все накопления он перевёл Димке. Написал: «Это тебе на учёбу и на жизнь. Трать с умом». Подумал и приписал: «Или без ума. Как хочешь».

Ответ пришёл через минуту: «Пап, ты чего? Что случилось?»

Впервые за два года сын написал ему больше одного слова.

Андрей набрал: «Ничего не случилось». Стёр. Набрал: «Я уезжаю надолго, связи не будет». Стёр и это. Написать правду было невозможно, потому что он сам её не знал. Что он мог сказать? Что едет в тайгу, не умея развести костёр? Что ему сорок три года и он не помнит, когда в последний раз чувствовал себя живым?

В конце концов он написал: «Всё в порядке. Уезжаю по работе далеко, там не ловит. Вернусь и приеду к тебе без спроса. Шапку носи».

Димка прислал: «Странный ты». И через несколько се-

кунд: «Ладно. Норм».

Последнее, что он сделал в городе, это съездил на кладбище. Постоял у серого камня с овальной фотографией. Мать на ней была моложе, чем он её помнил, и смотрела чуть в сторону, как будто ждала кого-то с той стороны.

— Мам, я уеду, — сказал он. — Ненадолго. Или надолго. Я тебе не перезванивал, я знаю.

Ветер шевелил пластмассовые цветы на соседней могиле.

— Я разберусь и приду, — пообещал он. Этому обещанию он сам поверил.

Место он выбрал по карте, почти наугад. Искал, где меньше всего названий. Нашёл на севере области зелёное пятно без единой точки, перечёркнутое тонким пунктиром: «лежнёвка (разруш.)».

До райцентра ехал поездом, оттуда автобусом до леспромхозовского посёлка. В посёлке полдня просидел у конторы, пока не уговорил водителя лесовоза взять его до конца дороги.

Водителя звали Николай. Это был сухой, тёмный лицом человек неопределённых лет, с наколкой в виде солнца на кисти. Первые два часа он молчал, курил в приоткрытое окно и крутил баранку так, будто КамАЗ был продолжением его рук. Дорога шла через вырубки, потом через гарь, потом лес сомкнулся с обеих сторон.

— Геолог? — спросил Николай наконец.

— Нет.

— Охотовед?

— Нет.

— От алиментов бегаешь?

— Сыну девятнадцать. Какие алименты.

— Значит, от себя, — заключил Николай без интереса и снова замолчал.

Километров через тридцать он заговорил сам:

— Тут до тебя один был. Лет восемь назад. Тоже с рюкзаком, тоже городской. Бородку такую носил. Говорил, книгу будет писать.

— И что?

— В октябре вышел на дорогу. Сам чёрный, руки обморожены, трясётся. Я его до больницы довёз. Он всю дорогу молчал, а потом говорит: «Я думал, там свобода». — Николай сплюнул в окно. — Свобода. Там дрова надо рубить с утра до ночи, вот и вся свобода.

— Я не за свободой.

— А за чем?

Андрей смотрел, как в лобовом стекле качаются ели.

— Я всю жизнь делал то, без чего можно обойтись. Отчёты, согласования. Если бы меня не было, их сделал бы другой, и никто бы не заметил разницы. Хочу узнать, что будет, если делать только то, без чего нельзя.

Николай покосился на него.

— Помрёшь, вот что будет. Без чего нельзя: это жрать и греться. Ты и то и другое в магазине брал.

— Значит, научусь.

— Или научишься. Такое тоже бывает, — неожиданно согласился водитель. — Дед мой так говорил: тайга дураков не любит, но учит. Кого успеет.

Дорога кончилась внезапно. Гнилые брёвна лежнёвки ушли в болотину, дальше стоял сплошной лес. Николай развернул машину на пятачке, не глуша мотор. Андрей спрыгнул с подножки и стащил рюкзак. Тот весил, казалось, больше его самого.

— Сто двенадцатый километр, — сказал Николай из кабины. — Я тут бываю раз в две недели, по вторникам, пока снег не ляжет. Потом до мая никого. Запомнил?

— Запомнил.

— Там зимовьё было, у Чёрного ручья. Километров пятнадцать на северо-восток, вдоль распадка. Если не сгнило.

— Спасибо.

Николай посмотрел на его руки, на новенькие ботинки, на топор, притороченный к рюкзаку лезвием вверх.

— Топор переверни. Упадёшь, шею себе распорешь.

Андрей перевернул.

— Слышь, — водитель помедлил. — Как звать-то тебя? А то найдут весной, а я и не скажу, кто.

— Андрей. Воронов.

— Ну, бывай, Андрей Воронов. — Он включил передачу. — Ты, если что, не геройствуй. Выйти обратно не стыдно. Стыдно не выйти.

Лесовоз взревел, качнулся и пополз назад по колее. Андрей смотрел ему вслед, пока красные габариты не пропали за поворотом. Гул мотора держался ещё минуту, потом истончился и пропал.

Наступила тишина.

Он не ожидал, что она будет такой. В городе тишиной называлось время, когда выключен телевизор, но и тогда гудел холодильник, шумела вода в трубах, за окном шла трасса. Здесь не было ничего. Стояли ели, тёмные, неподвижные, очень высокие. Пахло сырой хвоей и чем-то горьким, грибным.

Он услышал собственное дыхание. Потом стук сердца в ушах. Потом, кажется, шорох крови.

И испугался. Про зверей он в ту минуту не думал. Палыч оказался прав, в этой тишине было слышно всё. Не осталось ни планёрки, ни ленты новостей, ни одного дела, которым можно заслониться. Остался он сам, сорока трёх лет, в чистой куртке, с рюкзаком вещей, которыми не умел пользоваться.

«Вернись, — отчётливо сказал голос в голове, очень похожий на голос Игоря Семёновича. — Догони машину. Скажешь, пошутил. Через месяц всё забудется».

Он даже сделал шаг в сторону колеи.

Потом вспомнил кухню на Заводской, холодные пельмени, двести шестьдесят номеров в телефоне и ни одного человека. Вспомнил вопрос Лены: «Где ты сейчас?»

Он огляделся. Сто двенадцатый километр. Гнилые брёвна, болотина, комар на запястье. Холодно, темнеет, страшно до тошноты.

— Здесь, — сказал он вслух.

Голос прозвучал хрипло и нелепо, и никто не ответил. Но впервые за много лет это было правдой.

Он достал телефон. Связи не было уже часа четыре, батарея показывала девять процентов. На заставке стоял Димка, двенадцатилетний, щурился от солнца на том самом карьере. Андрей смотрел на фотографию, пока экран не погас. Потом завернул телефон в пакет и убрал на самое дно рюкзака. Выбросить его он не смог.

Спички он разделил на две части, а не на три: возиться с третьей в сумерках было лень. «Пот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.